

Во-вторых, юртехнетика алгоритмизирует правотворческий, правоинтерпретационный, право-реализационный процессы, повышая результативность всех видов юридической практики в государстве.

В-третьих, от нее зависит качество образовательного процесса в юридических вузах (применительно к учебной дисциплине «Юридическая техника», а именно ко всему процессу), поскольку юртехнетика обладает «надпредметностью», универсальностью, позволяющей востребовать ее результаты в теоретических, исторических, отраслевых юридических науках, соответственно, и в учебных дисциплинах. Включение в багаж знаний технико-юридической составляющей обеспечивает профессиональную пригодность будущих представителей юридической практики, дает возможность сформировать пытливого правоведа-исследователя.

В-четвертых, юртехнетика обуславливает качественный уровень доктринальных исследований как теоретических, так и отраслевых, что значимо для отечественной юридической науки, национальной правовой системы, государства и общества.

В-пятых, юртехнетика обогащается результатами исследований, создавая тем самым новые креативные направления для дальнейшего поиска на благо развития российской правовой науки, последующих позитивных преобразований законодательства, юридической практики.

Исследуя эффективность закона, профессор Т. Я. Хабриева справедливо акцентирует внимание на ценности неразрывной взаимосвязи юридической науки и практики, видит в этом «источник разработки новых эффективных инструментов и моделей правового регулирования различных областей общественной жизни»¹. Юртехнетика является воплощением такой взаимосвязи. Ее результаты исследований создают базис для юридической деятельности, позволяют эффективно функционировать широкому спектру значимых для общества властных и невластных институтов, оптимизируют процессы упорядочения жизни социума. Обладая универсальностью, юртехнетика обеспечивает возможность интеграции различных отраслей юридического научного знания, создание инновационных креативных направлений научного поиска. Такой нетривиальный элемент современной юридической науки способствует стабилизации технико-юридического знания, создавая прочный фундамент для позитивных социальных преобразований.

Барзилова Инна Сергеевна,

доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры теории государства и права
Московского государственного юридического
университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

Российская юридическая наука в «интерьерах» XXI века: взгляд ученого-теоретика

XXI век поставил перед отечественной юридической наукой ряд интересных и сложных задач. Российское общество всегда находилось под воздействием каких-либо изменений, но то, что происходит на современном этапе, качественно отличается от преобразований в социально-политической, экономической сферах, осуществлявшихся ранее. Меняется картина мира: он становится многополярным, формируются несколько центров принятия решений; активно внедряются в повседневную жизнь цифровые технологии, среди ученых продвигается идея о создании цифрового права; в отношении нашего государства применяются новые средства ведения гибридной войны и т. д., что, безусловно, оказывает влияние и на российское общество, и на юридическую науку, которая должна осмыслить происходящие процессы и выработать рекомендации по решению возникающих проблем.

Существенное отличие настоящего этапа в развитии юридической науки заключается, как представляется, в том, что ученым-юристам необходимо изучать не только новые процессы и возникающие новые отношения, но и исследовать вопросы, основательно ранее уже изученные на уровне докторских и кандидатских диссертаций, монографий и научных статей. Актуальность приобретают традиционные темы из теории государства и права, например, посвященные формам и функциям государства, механизму государства, правовому и социальному государству и т. д.

¹ Хабриева Т. Я. Основные направления обеспечения эффективности закона // Как обеспечить эффективность закона: научное издание / отв. ред.: Ю. А. Тихомиров, Н. Н. Толмачева, С. А. Боголюбов. Москва, 2019. С. 19.

Это объясняется тем, что, с одной стороны, на протяжении относительно длительного времени (с конца XX века) не велось исследования по проблемам теории государства, внимание ученых было сосредоточено преимущественно на тематиках общей теории права; с другой — предлагаются и уже предпринимаются активные попытки практического внедрения новых форм государства (сетевого государства, сервисного государства, цифрового государства и т. д.). Как представляется, подобные новые формы не являются благом для российского общества, так как возникают вопросы по поводу суверенитета Российской Федерации, защиты конституционно гарантированных прав человека, сохранения традиционных для российского общества ценностей. Подобная проблематика должна изучаться наряду с другими гуманитарными и юридической наукой. Например, в рамках темы «Механизм государства» по-новому звучат вопросы, посвященные дискреционным полномочиям должностных лиц, позволяющим принимать им соответствующие управленческие решения, руководствуясь собственным правосознанием и правовой культурой. В условиях ведения в отношении нашего государства санкционной войны подобная проблематика приобретает особое социальное звучание¹.

На современном этапе значимость приобретают темы, касающиеся осуществления государством управленческих функций, стратегического планирования, связанного с внутренней и внешней политикой Российской Федерации, определения целей и задач своего развития на определенном историческом этапе, исходя из политической, социально-экономической, демографической ситуаций. При проведении стратегического планирования используются разнообразные инструменты, средства, способствующие прогнозированию, планированию, программированию развития происходящих в российском обществе процессов.

Актуальными для юридической науки остаются и темы в рамках общей теории права. Здесь важным, как представляется, является сохранение отечественных традиций как на уровне права, так и российского общества в целом. Юридическая наука должна оберегать культурный код российского общества, который формировался на протяжении веков. Одна из главных проблем — это сохранение русского языка, терминологии, характерной для отечественного права. Непродуманное заимствование институтов и механизмов из иностранных правовых систем со всей очевидностью продемонстрировало недопустимость ломки сложившихся российских традиций в угоду сиюминутным «новомодным» веяниям. Ценность национального права как определенной социальной формы заключается в разумной организации и реформировании всей системы общественных отношений, ее защите от аутодеструкции. Упорядочивая и регулируя данную систему в целом, оно позволяет отстаивать и наиболее беспрепятственно удовлетворять интересы государства, общества, отдельных индивидов.

Отечественная юридическая наука должна обратить более пристальное внимание на проблемы соотношения с теоретической и методологической точек зрения универсального и национального в российском праве. Выявление общих тенденций развития права, связанных с изменением самих социальных связей, в то же время сохранение традиций, сложившихся общих подходов в процессе правового регулирования, должны учитываться при модернизации российской правовой системы. Юридические традиции позволяют праву как государственно-властному регулятору быть высокочувствительным к природе и имманентной нормативности регулируемых им объектов, не подменяя развитие социальной среды, а усиливая, охраняя ее, создавать необходимые условия и ориентиры, давать общее направление и общие цели.

Как представляется, в настоящее время в отечественной юридической науке недостаточно внимания уделяется исследованию проблем системы российского права, системы российского законодательства. В качестве угрозы следует отметить размывание предмета правового регулирования на отраслевом уровне, что приводит к появлению значительного числа конкурирующих, дублирующих друг друга норм, что совсем не способствует совершенствованию правореализационного процесса². И это вовсе не является свидетельством дифференциации российского законодательства, наоборот, смешение предметов правового регулирования различных отраслей права затрудняет специализацию законодательства и уводит данный процесс в совершенно другое русло.

¹ См.: Мажорина М. В., Алексеева Д. Г., Шахназаров Б. А. Право в условиях санкций: монография. Москва: Проспект. 2023.

² См. подробнее: Радько Т. Н., Азин Д. М., Киримова Е. А. Система права. История, современность, перспективы. Москва: Проспект, 2021; Кашанина Т. В. Структура права. Москва: Проспект, 2022; Головина А. А. Критерии образования отраслей в системе российского права. Москва: КноРус, 2023.

Не всегда оправданной представляется попытка закрепления на законодательном уровне новых правовых образований. Неумелое использование средств, приемов и правил юридической техники приводит к тому, что эти правовые образования приобретают, по сути, промежуточное значение между институтами и подотраслями права. Если добавить к этому неправильное использование юридической терминологии, размывание предмета правового регулирования ряда отраслей, то ситуация представляется довольно сложной. Некоторые правовые институты настолько объемны, что приближаются к статусу подотрасли права. Комплексный, межотраслевой характер данных институтов ставит вопрос об их месте в системе существующего права. Данные институты являются своего рода базовыми для отраслей права и могут во многих случаях предопределять развитие целой отрасли.

Представляется в качестве проблемы и искусственное расширение в ряде случаев сферы правового регулирования, приводящее к излишней «зарегулированности» общественных отношений. Право рассматривается как некая панацея от всех социальных бед, хотя это не всегда так. В результате процесс реализации права для субъектов настолько усложнен, что для нивелирования этого негативного фактора они формируют собственные механизмы, с использованием в том числе конкурирующих норм из других отраслей права.

Думается, что современная юридическая наука при рассмотрении вопросов на уровне общей теории права должна обратить внимание на следующие моменты, касающиеся развития системы современного российского права: дальнейшая дифференциация права, заключающаяся в увеличении количества подотраслей в рамках отдельной отрасли права; попытка создания так называемых мегаотраслей (например, экономическое право), объединяющих отдельные правовые отрасли; попытка формирования комплексных отраслей права, основанных на двойственных (например, императивно-диспозитивном) методах правового регулирования; значительное укрупнение отдельных институтов права, составляющих с точки зрения своего объема самостоятельную подотрасль или даже отрасль права; распространение практики использования в рамках системы права смешанных правовых режимов, приводящее к утрате императивных начал публичными отраслями права и диспозитивных — частными; распространение практики использования отсылочного и бланкетного способов изложения юридических норм в рамках отрасли права; изменение качества связей, возникающих между структурными элементами системы российского права¹ и т. д.

Среди важнейших проблем, которыми должна заниматься отечественная юридическая наука на современном этапе, можно выделить необходимость создания единого согласованного понятийного аппарата юриспруденции. По этому поводу в юридической литературе все чаще ведутся активные дискуссии по логико-гносеологическим, методологическим, лингвистическим проблемам юридических дефиниций. Важность проведения логического анализа применяемых определений предопределена их особым статусом в правовой сфере, связанной с институционализацией всех государственно-правовых явлений в юридических актах. Дефиниции позволяют придать упорядоченность, логичность и стройность в правовом регулировании, унифицировать законодательство в целом. Они выступают в качестве долговременной и продуктивной связи между элементами российской правовой системы, структурно оформляя ее.

Однако довольно часто можно наблюдать ситуацию, когда в правовых актах для обозначения отдельных институтов, средств, механизмов не всегда верно подбирается термин, в определении не совсем точно выделяются их специфические характеристики. Это связано, например, с несовершенством технико-юридического инструментария, «перегрузкой» или, наоборот, существованием пробелов, противоречий в понятийном строе юриспруденции, отсутствием как отраслевых, так и общетеоретических фундаментальных исследований. В результате в отраслевых нормативных правовых актах может совершенно по-разному трактоваться одно и то же правовое явление, что приводит к возникновению трудностей в правореализационном процессе.

По всей видимости, имеет место и проблема соответствия юридических дефиниций постоянно меняющейся правовой действительности, что на современном этапе придает особую значимость исследованиям в сфере социологии права, изучающей функционирование институтов права в общественной системе. Существенная роль отводится и методологическим вопросам юридической науки, в целом нуждающейся в обширном философском и науковедческом контексте.

¹ См. подробнее: Барзилова И. С. Проблемы развития современного российского законодательства // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 4 (44). С. 92–101.

Проблема выстраивания единого понятийного ряда в юриспруденции в особой степени касается межотраслевых институтов, статус которых в условиях реформирования российской правовой системы и происходящей модернизации действующего законодательства значительно возрастает. Все это предопределяет необходимость в проведении совместных общетеоретических и отраслевых исследований.

В настоящее время вполне очевидны задачи поиска новых методологических подходов к исследованию правовых явлений, расширения сферы применения методов познания, использующихся в рамках естественных и технических наук. На протяжении длительного времени юридическая наука весьма осторожно относилась к использованию методов естественных и технических наук для изучения государственно-правовых явлений. Сегодня же важно в определенной степени преодолеть данный барьер. Математический, кибернетический, статистический методы приобретают все более важное значение при проведении исследований в рамках общей теории права. Инструментальный аспект действия права в современный период выходит на первый план. Средства, используемые в современном механизме правового регулирования, все больше приобретают не только правовую, но и техническую окраску. Думается, что коренным образом отходить от традиционного подхода к пониманию процесса правового регулирования все же нельзя, так как он касается, прежде всего, людей, учитывает их социальную и биологическую природу, поэтому юридическая наука должна подробно изучать различного рода дозволения, запреты, ограничения, приостановления¹ и т. д.

В настоящее время в отечественной юридической науке (особенно в сфере частного права) предлагается осуществить коренной пересмотр традиционных конструкций и юридических понятий. Речь идет, например, о конструкции «субъект права». Под субъектом права, в частности, предлагается рассматривать цифровые сущности, искусственный интеллект, аватары и т. п. В этом плане юридическая наука должна, думается, отстаивать позицию традиционного понимания человека в праве, защиты его прав и законных интересов.

Весьма противоречивым представляется вопрос, касающийся определения объекта правового регулирования и субъекта права. Появление в цифровой среде явлений, обозначаемых понятиями «цифровая сущность», «искусственный интеллект», ставит на повестку дня вопрос о соотношении субъекта и объекта правового регулирования. Намечается тенденция к сужению перечня объектов права и увеличению, соответственно, перечня субъектов права, что, думается, в результате приведет к изменению структуры предмета правового регулирования некоторых отраслей. Возникает вопрос и о самих участниках правовых отношений в виртуальной сфере: может быть ими только живой человек или возможно участие и роботов, «цифровых личностей», искусственного интеллекта? Это не только правовая, но и морально-этическая проблема.

На наш взгляд, в процессе правового регулирования необходимо учитывать следующие риски: недопустимость стандартизации человеческой личности, формирования определенных человеческих типажей по заданным человеческим параметрам; недопустимость использования технологий, превращающих человека в объект для эксперимента с неопределенными последствиями; понижение в профессиональной сфере конкурентоспособности обычного человека, не обладающего улучшенными свойствами с помощью технологий; изменение с помощью технологий подлинности человека и природы, базовых представлений о том, что есть человек и т. д.

В многополярном мире важно учитывать и правовые традиции иностранных государств, с которыми взаимодействует Российская Федерация. Так, средства и приемы медиации активно используются во многих государствах Азии, что продиктовано, например, этико-религиозными нормами конфуцианства, нормами традиционного права, спецификой традиций и обычаев².

В завершение хотелось отметить, что значимость для российского общества юридической науки нельзя преуменьшать. В ней не только сосредоточены знания, касающиеся юридической сферы, определяются правила поведения субъектов правовых отношений, но и содержатся многовековой опыт российского общества, его цивилизационный код, поэтому в «интерьерах» XXI века ученые-правоведы должны сохранить лучшие отечественные традиции, память о выдающихся исследователях в области юриспруденции.

¹ См.: Запреты в праве и правовой политике: общетеоретический и отраслевой аспекты / под ред. А. В. Малько. Москва: Инфра-М, 2020.

² См.: Барзилова И. С. Правовые системы Российской Федерации и Китайской Народной Республики: сравнительно-правовой анализ // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 4 (104). С. 166–173.